

Древний город Лян выглядел мрачно. В нем проживало огромное количество людей, а огромные и надежные стены ограждали их от многочисленных опасностей, связанных с расположением на самой границе государства.

Когда Хуа Чжу Юй приблизилась к городу, сумерки девятого дня накрывали местность плотным темным покрывалом. Солнце опускалось, сжигая небо надо всей провинцией красным, яростным огнем. Всадники на лошадях и мулах, люди с поклажей, носильщики паланкинов – все они мрачно брели к воротам города, залитые этим агонирующим жутким солнечным светом.

Как раз в это время раздался звук гонга. Огромные ворота начали медленно, со скрипом, закрываться. Чжу Юй пришпорила свою лошадь и начала ловко проскальзывать сквозь живую очередь к единственному входу в город. Наконец, ей удалось оказаться внутри. Тяжелые створки ворот сомкнулись за ее спиной с глухим, неприятным звуком. Девушка натянула поводья и оглянулась, пытаясь рассмотреть солдат на башнях. Никто из них не выглядел ей знакомым.

Весь путь Хуа Чжу Юй преодолевала по знакомым улицам, на которых бывала сотни раз до этого. Даже с закрытыми глазами она бы не смогла здесь потеряться. Наконец перед ее глазами возникло огромное, впечатляющее имение, вход в которое увенчивался тремя каллиграфически выведенными словами «Резиденция семьи Хуа». Эти слова однажды лично написал сам Император, выражавший тогда свое благоволение этому древнему роду.

Однако сейчас двор имения не выглядел таким оживленным и многолюдным, каким он был раньше. Здесь царила опустошенность и мрачная тишина. Дверь красного дерева была закрыта и опечатана двумя императорскими печатями. Прежде чем покинуть это опустевшее место, Хуа Чжу Юй, так и не слезшая с коня, долго рассматривала знакомый ей двор, двери и эти проклятые печати, словно отрезавшие ей путь к прошлому.

На востоке города, на улице Ван Сунь, находился винный магазинчик под названием «Пьяная красавица». Напитки, продающиеся здесь, были лучшими и самыми мягкими в этой провинции, поэтому от клиентов никогда отбоя не бывало. Однако, после предыдущей зимы, дела больше не шли так же хорошо, как прежде. Может быть, поэтому красивая управляющая всегда выглядела хмурой и недовольной, словно кто-то задолжал ей две тысячи серебром. А может быть, именно это выражение лица и стало отпугивать покупателей. В любом случае, постепенно популярность «Пьяной красавицы» стала идти на спад, и ее владельцы все же приняли тяжелое решение о закрытии магазинчика.

Чжу Юй, приехавшая сюда сразу после того, как посетила родительский дом, с недовольным удивлением уставилась на закрытые двери магазина. Спешившись, она повернулась к противоположной входу стене и ловким движением перепрыгнула через нее. Приземлилась девушка довольно громко, громче, чем когда-либо до этого, а ведь ей приходилось перелезать через эту ограду не один десяток раз.

- Кто здесь? – прозвучал в тишине недовольный голос.

Это была женщина, яркая как пион и сияющая, словно солнце. Если бы она улыбнулась то, наверняка, могла бы ослепить любого, но вместо этого лицо красавицы было искажено мрачным выражением. Одета она была в дорогой розовый наряд, а на шпильке, вставленной в прическу, красовался небольшой белоснежный шелковый цветок. Увидев Хуа Чжу Юй,

женщина сердито прищурилась и повысила голос. – Как посмел вор забраться сюда?

Чжу Юй проигнорировала этот негостеприимный прием, произнесла вместо этого лишь:

- Мне нужна фляга, полная «Падающего цветка плотного тумана», очищенного, конечно же, и легкие блюда. Отправь людей к двери, там моя лошадь. Ее нужно завести в стойло и хорошенько накормить.

Хуа Чжу Юй подошла к женщине ближе. Путешествие было долгим и утомительным, она жутко устала и была голодна, как волк. Мрачная красавица наконец-то разглядела ту, что разговаривает с ней, и оцепенела от шока. Слабый солнечный свет, с трудом проникавший в это уединенное местечко, на несколько мгновений окутал силуэт Чжу Юй, и хозяйка магазинчика увидела то, о чем мечтала бесчисленное количество раз за последнее время.

- Это... ты! – в широко раскрытых глазах начали появляться слезы.

- Дань Хун, я вернулся! – мягко улыбнулась ей Чжу Юй.

Услышав знакомые интонации привычного голоса, Дань Хун ощутила, что против воли начала дрожать. Она сделала неуверенный шаг вперед и приподняла вуаль, скрывавшую облик человека перед ней. Увидев лицо со столь знакомыми изысканными чертами, парой ясных глаз, красивыми губами, Дань Хун полностью поверила в то, что еще минуту назад казалось всего лишь сном, невероятным исполнением мечты. Вскрикнув, женщина бросилась в объятия Хуа Чжу Юй. В этот момент, казалось, из ее глаз вылился весь запас слез, скопившийся в ней за все время жизни на этой грешной земле.

Чжу Юй мягко похлопала ее по плечу.

- Дань Хун, а ты похудела.

Если бы девушка не была стопроцентно уверена в том, что держит в своих объятиях ту, с которой знакома уже давно, она бы не узнала ее издалека. Не смогла бы поверить, что та красавица в красном, игравшая для нее на цитре на поле битвы, за столь короткое время могла так разительно перемениться. Эта худоба была болезненной, словно Дань Хун восстанавливалась после очень тяжелого ранения или была чем-то серьезно больна.

Рука Хуа Чжу Юй скользнула по волосам женщины и замерла у белого шелкового цветка. Этот символ скорби по умершим буквально притягивал ее внимание.

- Дань Хун, кто умер? Не может же это быть... - сердце девушки болезненно сжалось, а лицо побледнело, словно утратив все свои краски. Разве не говорили, что казнь должна состояться лишь через десять дней? Они же не могли перенести это событие? Она не могла опоздать!

Услышав изменившийся голос Чжу Юй, Дань Хун скривилась. А затем вытащила из прически свое украшение и швырнула его на землю.

- Хоуе в порядке, генералу не о чем беспокоиться. Я носила это из-за тебя! Если ты все это время был жив, то почему не передал восточку своей Дань Хун? Ты даже не представляешь, что мне довелось пережить за это время! Если бы хоуе не помогал мне и не напоминал постоянно, что у генерала осталось желание, которое мне нужно во что бы то ни стало выполнить, я бы уже последовала за тобой на тот свет! – голос женщины был мягким, но ее глаза вспыхивали от плохо скрываемого негодования.

Хуа Чжу Юй виновато закрыла глаза и опустила голову.

Позиция Дань Хун была предельно ясна. Прежде Чжу Юй уже намекала этой женщине, что они не могут быть вместе, что ей следует отказаться от этих фантазий. И вроде бы Дань Хун приняла это как факт. Кто бы мог подумать, что эта красивая женщина будет столь упорна в своем желании верить в эту невозможную любовь. Отец много раз говорил Хуа Чжу Юй, что ей нельзя раскрывать свою истинную личность, и ей удавалось отлично справляться с этой задачей. Даже самые близкие люди – Дань Хун, Пин, Ан, Кан и Тай, четыре ее личных телохранителя – не догадались, кем на самом деле является их генерал. Но никто даже представить не мог, что эта тайна может привести к подобным сложностям. Дань Хун, не смотря ни на что, продолжала ее любить все это время! Чжу Юй верила даже, что мнимая смерть Ин Шу Се может заставить женщину сдаться, но любовь Дань Хун преодолела и этот барьер. Ее чувства были и вправду невероятно сильны. Раньше Чжу Юй думала, что ей больше никогда не придется возвращаться к своему обличию Серебрянооликового генерала Асуры, но жизнь внесла свои коррективы.

И как теперь справиться с подобной ситуацией?!

- Я... - Хуа Чжу Юй открыла рот и снова закрыла его. Она не знала, что сказать.

Дань Хун вытерла слезы, подняла глаза и со спокойной уверенностью произнесла:

- Генерал, проходите в дом. Вам нужно искупаться и хорошенько поесть. Мы продолжим наш разговор немного позже.

Чжу Юй согласно кивнула и последовала за ней.

Слуги уже заканчивали с приготовлением еды. Ужиная, девушка внимательно слушала рассказ Дань Хун о том, что произошло во время ее отсутствия. Текущая ситуация в провинции Лян начинала становиться более понятной.

Выяснилось, что изначально Хуа Му хотели доставить в столицу и казнить там. Но между провинцией Лян и городом императора был слишком долгий путь, слишком много шансов, что что-то произойдет или генералу удастся сбежать. Поэтому было принято решение организовать казнь здесь. Но поскольку лорд Пинси долгие годы охранял эти территории от врагов, он заслужил благосклонность народа. За дни, прошедшие после оглашения указа, многие – воистину бесчисленное количество человек – приходило умолять избавить Хуа Му от уготованной ему участи. Поэтому, опасаясь восстания местных, из столицы прибыло двадцать тысяч солдат. Ими заменили всех, кто поддерживал порядок и обеспечивал безопасность этого города.

Кроме того, ожидаемо, место проведения казни собирались защищать любой ценой.

- Дань Хун, а что с сиротской армией? Что с Пином, Аном, Каном и Таем?

- Армия в порядке. Правительство велело арестовать лишь тех генералов, кто находился под непосредственным командованием Хуа Му. Поскольку Пин, Ан, Кан и Тай были личными телохранителями генерала Асуры, их тоже собирались арестовать. Но они успели покинуть ряды армии и надежно спрятаться.

Хуа Чжу Юй понимающе кивнула. Будь она по-прежнему генералом армии Хуа, ее бы наверняка тоже схватили.

- Дань Хун, принеси мне чернильницу, чернила, бумагу и чернильный камень.

Коротко кивнув, женщина быстро подготовила все необходимое. Дописав письмо, Чжу Юй вынула из кармана рукава свою личную печать, обмакнула ее в чернила и оставила внизу страницы четко различимый штамп.

Сиротская армия подчинялась ей напрямую. Однако, несмотря на то, что ее солдаты находились под командованием Хуа Му, сиротская армия официально не была частью армии семьи Хуа. Возможно, ее отец догадывался, что однажды его будет ждать нечто подобное, и подготовил все заранее?

На личной печати Чжу Юй не было слов, но там был изображен узнаваемый стилизованный цветок. Это была негосударственная печать, а ее личная. Ее изготовили сами солдаты – пять сотен элитных воинов, прошедших с ней через огонь и воду в пустыне Западного Ляна. В тот раз, если бы не ее исключительный талант тактика и стратега, позволивший им одолеть во много раз превосходящие силы противника, не выжил бы никто. И их тела остались бы навечно захороненными в этих песках. Поэтому выжившие солдаты поклялись следовать за ней всю оставшуюся жизнь. Они изготовили для генерала Асуры личную печать, чья важность для них была куда выше, чем даже личный приказ императора. Девушка не верила в то, что однажды ей придется воспользоваться этим, но жизнь оказалась куда более непредсказуемой, чем она вообще могла предположить.

Хуа Чжу Юй свернула письмо в маленький плотный цилиндр и обернулась к Дань Хун.

- Ты все еще держишь голубей?

Женщина кивнула. Привязав послание к ножке одной из птиц, она выпустила посланника в ночное темное небо.

<http://tl.rulate.ru/book/2933/203729>